

Национальное обособление христианских народов и историческая задача церкви.

„Es mag immer sein: dass die despotisirenden (in der Ausübung fehlenden) Moralisten wider die Staatsklugheit (durch ubereilt genommene oder angepriesene Massregeln) mannigfaltig verstossen, so muss sie doch die Erfahrung, bei diesem ihrem Verstoss wider die Natur, nach und nach in ein besseres Gleis bringen“

Kant. „Zum ewigen Frieden“

1.

Оправдать какое-нибудь естественное явление в жизни народов с точки зрения христианской этики и осудить его же, как противоречащее историческим видам христианской церкви,—этого нельзя сделать, не внося в самое существо церкви—учреждения Божественного—внутреннего разлада между теорией (этикой) и практикой (историко-политическими видами)—порока, свойственного учреждениям „мира сего“. Поэтому, если известное явление оправдывается христианской этикой, нам нет нужды спрашивать еще, не противоречит ли оно, однако, исторической задаче церкви. И наоборот, чтобы решить, не противоречит ли известное явление исторической задаче церкви, надо знать *только*, оправдывается ли оно христианской этикой.

Это—общий принцип христианской политики.

Таким образом, если бы, например, христианская этика не нашла ничего противного себе в естественном явлении национального самоутверждения народов, если бы она

оправдала явленіе національнаго самоутвержденія, то тѣмъ самымъ христіанская церковь приняла бы и всѣ политическія слѣдствія отсюда: стремленіе народовъ къ сохраненію своего національнаго характера, обособленіе ихъ во имя этого сохраненія и т. п. Итакъ въ разрѣшеніи вопроса, — не противорѣчитъ-ли обособленіе христіанскихъ народовъ во имя сохраненія національнаго характера задачѣ церкви—призывать человѣчество къ высшему единенію подъ главенствомъ Христа, какъ единого пастыря единого стада, — намъ нѣтъ нужды прибѣгать къ труднымъ дипломатическимъ соображеніямъ ¹⁾; есть точка зрѣнія, которая, разъ будучи принята, съ безпримѣрной легкостью разсѣкаетъ всѣ узлы политическихъ хитросплетеній: это—точка зрѣнія христіанской этики.

Нашъ вопросъ, такимъ образомъ, сводится къ тому, можетъ-ли быть оправдано съ христіанской этической точки зрѣнія обособленіе христіанскихъ народовъ во имя сохраненія національнаго характера: или—короче: *естественное явленіе національнаго самоутвержденія народовъ оправдывается ли съ точки зрѣнія христіанской этики?*

2.

Какъ относится христіанская этика къ естественному факту духовной жизни народовъ,—національному самоутвержденію?

Что она не относится къ нему съ безусловнымъ отрицаніемъ,—это очевидно уже изъ того, что поставленный нами вопросъ дѣйствительно занималъ многихъ христіанскихъ мыслителей, какъ серьезная теоретическая проблема. Когда христіанская этика ставитъ практическое основоположеніе: „будьте цѣлы, какъ голуби“, она, очевидно, имѣетъ въ виду такія явленія жизни, относительно которыхъ для христіанина не можетъ быть принципіальнаго сомнѣнія,—*добры* или *злы*, согласны ли съ голубиной непорочностью, или ея нарушаютъ.

Но если въ данномъ случаѣ принципіальное сомнѣніе на

¹⁾ Какъ это пришлось бы, напримѣръ, съдѣять при рѣшеніи вопроса, — обособленіе прландцевъ во имя сохраненія національнаго характера не противорѣчитъ ли исторической задачѣ Англии

лицо, если, какъ показали опытъ, люди высокаго нравственнаго сознанія допускали поставленный нами вопросъ, какъ вопросъ, то это прямой признакъ, съ одной стороны, того, что съ точки зрѣнія христіанской этики нравственное достоинство непосредственнаго патріотическаго вдохновенія Жанны д'Аркъ или Сусанина не подлежитъ никакому сомнѣнію; съ другой же—того, что для мыслящаго человѣчества основоположеніе „будьте цѣлы, какъ голуби“ должно всецѣло основываться на другомъ—„и мудры, какъ змѣи“. Нашъ вопросъ, разрѣшающійся такъ просто для непосредственнаго вдохновенія патріота, долженъ представить трудную проблему для христіанскаго политика. Послѣдній понимаетъ, что, если христіанская этика ни оправдываетъ, ни осуждаетъ категорически національнаго самоутвержденія народовъ, то потому, что для нея вообще *внѣ* *человѣка* нѣтъ ни зла, ни добра въ собственномъ смыслѣ. Истинное сѣдалище добра и зла—внутри человѣка, въ его сердцѣ. „Исходящее изъ устъ—изъ сердца исходитъ: это оскверняетъ человѣка, ибо изъ сердца исходятъ злыя помыслы, убійства, прелюбодѣянія, любодѣянія, кражи, лжесвидѣтельства, хуленія: это оскверняетъ человѣка“ (Матѣ. 15, 18, 19, 20). *Внѣ* *человѣка* можетъ быть лишь добро относительное и зло относительное: добро,—насколько окружающія человѣка условія способствуютъ развитію въ немъ добра, сдерживая зло,—и зло, насколько они не сдерживаютъ его злыхъ наклонностей, угнетая, такимъ образомъ, добрыя.

Итакъ дѣло христіанскаго политика, имѣющаго цѣлью созданіе условій, наиболѣе благопріятныхъ для нравственнаго преуспѣянія народовъ, состоитъ 1) въ оцѣнкѣ явленія національнаго самоутвержденія, какъ условія, съ которымъ неизбежно сталкивается духовная жизнь народовъ, и 2) въ выработкѣ наиболѣе выгоднаго отношенія къ этому условію—во имя ихъ нравственнаго преуспѣянія.

3.

Въ данномъ случаѣ можно вовсе не останавливаться на разборъ принципиальнаго отрицанія національнаго самоутвержденія, ибо несомнѣнно (какъ это мы видѣли въ предыдущемъ параграфѣ), что собственно съ точки зрѣнія христіанской этики такого отрицанія быть не можетъ.

Съ точки зрѣнія христіанской этики можно отрицать національное самоутвержденіе лишь *методически*. Именно такъ его отрицаетъ христіанская аскетика.

Существуютъ такія связи человѣка, съ обществомъ, которыя опредѣляются необходимо его нравственными обязанностями. Но существуютъ и такія, которыя, не противорѣча нравственному закону, въ то же время не служатъ необходимыми слѣдствіями нравственныхъ обязанностей человѣка.

Что касается первыхъ, то, съ точки зрѣнія нравственного закона, человѣкъ *обязанъ* осуществлять ихъ. Осуществлять вторыя онъ лишь *имѣетъ нравственное право* 1). Разница между тѣмъ и другимъ есть разница интересовъ — *всеобщеморального* и *личнаго*.

Подвижники нравственного самоусовершенствованія, боявшиеся намека на эгоистическое побужденіе, всегда склонны были забывать и практически отрицать (игнорировать) свои *права*, имѣя въ виду исключительно одиѣ свои нравственные *обязанности*. Въ глазахъ такихъ подвижниковъ преслѣдованіе правъ является если не противорѣчемъ, то помѣхой въ стремленіи къ этическому совершенствованію, чѣмъ-то, во всякомъ случаѣ, излишнимъ. Такое отношеніе къ правамъ классически формулировано св. Василіемъ Вел. въ его отвѣтъ Модесту, префекту имп. Валента. На угрозы отнятіемъ имущества и изгнаніемъ онъ говорилъ: „нельзя отнять имущества у того, кто ничего не имѣетъ, развѣ только ты (т. е. Модестъ) пожелаешь взять эти изношенныя одежды и нѣсколько книгъ, составляющихъ все мое достояніе. Из-

1) Понятія „обязанности“ и „права“ въ сущности соотносительны. Одно necessarily предполагаетъ другое — Но, тѣмъ не менѣе, мыслимы два рода законодательства. Въ законодательствѣ перваго рода опредѣляются лишь *обязанности*, въ законодательствѣ втораго — исключительно *права*. Первое—есть наше внутреннее, *собственно этическое законодательство* и были времена, когда люди имъ довольствовались: „не было между ними никого нуждающагося: ибо все, которое владѣли землями или домами, продавая ихъ, приносили цѣну продажнаго и полагали къ ногамъ апостоловъ; и каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду. Такъ Іосія, у котораго была своя земля, продавъ ее, принесъ деньги и положилъ къ ногамъ апостоловъ“ (Дѣян. 4, 34—37). Второе,—такъ называемое *положительное законодательство*,—дѣлается необходимымъ, когда люди теряютъ смыслъ идеи нравственной обязанности, когда, слѣдоваго цѣлю, становится нужнымъ опредѣленіе ихъ правъ.

гнаніе? Для меня не можетъ быть изгнанія. *Я не привязанъ ни къ какому мѣсту. Страна, въ которой я живу, принадлежитъ мнѣ, и всякая страна, въ которую я могу быть заброшенъ, также будетъ моею или, скорѣе, Божіею, и я буду въ ней чужимъ и странникомъ*“... Таковъ же смыслъ ученія о непротивленіи злему (Матѳ. 5, 39. 40. 41). „И то уже весьма унизительно для васъ, писать ап. Павелъ своимъ коринѳскимъ ученикамъ, что вы имѣете тяжбы между собою. Для чего бы вамъ лучше не оставаться обиженными? для чего бы вамъ лучше не терпѣть лишенія (1 Кор. 6, 7)“?

Не наложивъ категорическаго запрещенія на національное самоутвержденіе, христіанство дало своимъ послѣдователямъ *право* оставаться сынами своихъ націи. Но кто всецѣло поглощенъ идеей своей *прямой нравственной обязанности*, тому просто тягостно заниматься чѣмъ-либо постороннимъ; такимъ образомъ, національное самоутвержденіе, какъ пѣчто, не составляющее прямой обязанности христіанина (слѣдовательно, какъ нѣчто постороннее относительно этой послѣдней), фактически имъ отрицается.

Такъ какъ это *методическое* отрицаніе имѣетъ практическое и убѣдительное своею наглядностью основаніе, то противъ него и нельзя возражать. Надо замѣтить лишь, что на немъ нельзя остановиться, какъ на окончательной оцннкѣ съ христіанско-этической точки зрѣнія интересующаго насъ явленія,—и это въ виду не менѣе пракческаго и убѣдительнаго основанія: *не все христіане—непремѣнно аскеты, и ни отъ кого изъ нихъ никто не въ правѣ требовать отказа отъ нравственнаго права быть сыномъ своего отечества (своей нации)*.

Аскетъ своимъ практическимъ отрицаніемъ національнаго самоутвержденія не колеблетъ его, какъ естественнаго факта, но лишь *исключаетъ себя* изъ среды, имѣющей его своимъ условіемъ. Такимъ образомъ, національное самоутвержденіе было бы въ концѣ поколеблено методическимъ отрицаніемъ лишь тогда, если бы все христіане, вслѣдъ за аскетами, исключили себя когда—нибудь изъ этой среды. Но 1) ояндать этого—значитъ имѣть дѣло съ утопией и 2) христіанство не пришло разрушать, но спасать и утверждать.

Если бы все люди и всегда были столь же погружены

въ усвоеніе и осуществленіе этическихъ *обязанностей*, какъ первые христіане и послѣдующіе христіанскіе аскеты, то, подобно тѣмъ, они не нуждались бы ни въ какомъ другомъ опредѣленіи своей дѣятельности и своихъ отношеній между собою, получивъ разъ на всегда опредѣленіе общей цѣли своей дѣятельности, — съ христіанско-этическихъ *обязанностей*. Тогда на землѣ осуществилось бы „царство Божіе“, въ которомъ не было бы ни борьбы, ни спора о правахъ, и отдѣльные народы не имѣли бы нужды въ оборонительной государственной организаціи; и тогда, пожалуй, и національное самоутвержденіе потеряло бы свой *raison d' être*.

Но въ дѣйствительности мы видимъ не то. Человѣчество не дошло еще до того возраста, когда ему, въ лицѣ всякаго отдѣльнаго человѣка, будетъ понятна идея „царства Божія“. До сихъ поръ проповѣдь этическихъ *обязанностей* для большинства составляетъ *теорію*, — или непонятную, или непонужную, или неисполнимую. Большинству нужно опредѣленіе *правъ*. — Итакъ до сихъ поръ человѣчеству необходимо положительное законодательство, жандармерія и оборонительная государственная организація.

Были времена, когда церковь брала на себя выполненіе этой необходимости. Тогда она расширяла свое каноническое право настолько, чтобы оно могло охватить все стороны государственной организаціи ¹⁾, она по необходимости заводила духовную жандармерію, духовную армію, духовнаго палача и т. п.—Церковь становилась государствомъ

Однако исторія скоро доказала, что церковь въ этомъ случаѣ вторгалась въ чуждую ей сферу. Во всякомъ случаѣ, принявъ на себя миссію „всемирной монархіи“, она подвергалась и судьбѣ этихъ монархій: международное государственное единство, гарантируемое внѣшнимъ объединяющимъ началомъ, — церковно-государственной властью, — очевидно искусственно, и потому очень ненадежно; народы доказывали его несостоятельность, вырываясь рано или поздно изъ—подъ внѣшней опеки государства—церкви къ

¹⁾ Таково было *de facto* каноническое право римской церкви въ средніе вѣка, а въ некоторыхъ странахъ и въ новѣйшее время (напр. въ Испаніи)

самостоятельной государственной жизни ¹⁾). При этомъ исторія воочию подтвердила то, что можно предполагать уже а priori: *лишь самоутвержденіе народа на основаніи національнаго сознанія является естественнымъ и потому надежнымъ носителемъ государственнаго единства.*

Поэтому до тѣхъ поръ, пока человѣчество будетъ нуждаться въ положительномъ государственномъ законодательствѣ, — слѣдовательно, въ государственной организаціи, — національное сознаніе и національное самоутвержденіе будутъ важнымъ и неизбѣжнымъ факторомъ въ исторіи

Поэтому *христіанская политика должна, во всякомъ случаѣ, относиться къ нему, какъ къ факту, котораго не слѣдуетъ отрицать, но на основѣ котораго надо строить.*

4.

Великіе народы древняго Востока, — халдеи, народы Ассирии - Вавилоніи, мидяне, персы, знаменитые въ исторіи своими громадными движеніями, — представляются намъ лишенными національнаго единства; они грандіозны не духомъ, который ихъ объединялъ и покорялъ имъ окрестныя племена, они поражаютъ насъ главнымъ образомъ, какъ какія-то стихійныя, случайныя для нашего пониманія сгущенія людей, стихійно неожиданно затопляющія все вокругъ себя. Единственнымъ человѣческимъ началомъ, двигавшимъ этими силами, была, повидимому, стихійная же, не знающая границъ божественная воля „великаго царя“, предъ величіемъ которой всѣ народы, племена и языки трепетали и страшились ея; кого хотѣлъ, великій царь убивалъ, и кого хотѣлъ — оставлялъ въ живыхъ, кого хотѣлъ — возвышалъ, и кого хотѣлъ, унижалъ (Дан. 5, 19).

Национальное единство предполагаетъ собою уже пѣчто

¹⁾ Какъ извѣстно однимъ изъ первыхъ проявленій реформаціи была борьба народовъ противъ государственной власти римской курии Политика Филиппа Красиваго во Франціи, Людовика Баварскаго въ Германіи и Эдуарда III въ Англіи (политика, которую можно считать первымъ открытымъ шагомъ къ реформѣ) имѣла именно это направленіе — замѣчательныя произведенія: „Монархія“ Данга, „Защитникъ мира“ Марселія Падванскаго и Жана де Жандена, а также „Восемь вопросовъ о папской власти“ Оклама, являющіеся также несомнѣнными предвѣстниками реформы, вначавать эту борьбу въ литературѣ

высшее, это есть уже *идея, одушевляющая* собрание людей. Естественно, что въ тѣ времена, явившись у народа, не оторвавшася отъ „лона природы“, живущаго живыми ощущеніями дѣйствительности, такая идея была религіозною.

Библейская исторія есть исторія встрѣчи такой *идеи* съ бунтующеюся стихіей древняго восточнаго человѣчества. исторія многовѣковой, иногда безпощадной, борьбы этой стихіи съ національно-религіозными чаяніями Израиля.

Великіе мужи Израиля,—сила его,—песли изъ глубины времени сознаніе какого-то высшаго духовнаго содержанія въ недрахъ своего народа, своей національной души. Откровеніе, постигшее древняго Аврама — Еврея, жившаго у дубравы Мамре,—откровеніе о *его* великомъ призваніи, никогда съ тѣхъ поръ не покидало его потомства, даруя ему силу не падать подъ тягостными ударами своей исторической судьбы, являясь для нихъ „путеводнымъ облакомъ при зноѣ дня въ пустынь, и свѣтомъ огня во всю ночь“ (Ис. 77, 14). Израиль забывалъ великія трудности путешествія черезъ „пустыню“ царствъ звѣриныхъ древняго востока,—увлеченный и влекомый идеей, которая ощущалась ему въ душѣ его націи. „Я всегда съ тобою, говоритъ онъ „Сильному Иакова“: ты держишь меня за правую руку; ты руководишь меня совѣтомъ твоимъ и потомъ примешь меня въ славу..... изнемогаетъ плоть моя и сердце мое: Богъ—твердыня сердца моего и часть моя во вѣкъ“. (Ис. 72, 23—26).

И маленькая нація, объ имени которой не могло быть рѣчи предъ всемірными великанами, съ которыми она встрѣчалась, имѣла силу говорить міру о „*Богъ боговъ*“, „какъ Онъ является съ *Сіона*, который есть верхъ красоты, какъ Онъ грядетъ не въ безмолвіи: предъ нимъ огонь поядающій, вокругъ него сильная буря..... и Онъ идетъ *судить землю*“ (Ис. 49, 1—3; 97, 9)!

Маленькая нація, на „хребтъ которой орали оратаи, проводили длинныя борозды свои“ могущественнѣйшіе народы міра (Ис. 128, 3)—не только не исчезла съ „земли живыхъ“, но еще осмѣливалась вѣрить и говорить своимъ поработителямъ, что, по видѣнію пророка Даниила, они надъ всѣмъ владѣющими (золото, серебро) и все сокрушающими (мѣдь, желѣзо), исчезнутъ, „сдѣлаются какъ прахъ на гѣбныхъ горахъ, и вѣтеръ унесетъ ихъ, и слѣда не останется отъ нихъ“

(Дан. 2, 35), тогда какъ Израиль будетъ жить во вѣкъ, „во вѣкъ будетъ твердь, какъ луна“ (Пс. 88, 38).

Сила этой націи была въ томъ, что „Сильный Иакова“ возвѣстилъ ей слово Свое и суды Свои: не сдѣлалъ Онъ того никакому другому народу, и судовъ Его они не знаютъ“ (Пс. 147, 9).

Библейская исторія есть исторія великой побѣды *духа* надъ *плотію* („камень оторвался отъ горы безъ содѣйствія рукъ, ударилъ въ истуканъ..... и разбилъ его“), „царства сына человѣческаго“ надъ „царствомъ звѣринымъ“, *идеи* надъ *безформенной силой*.—И идея эта была *національная*.

Національная идея была тою силою, которая одна оказалась способною вынести человѣчество изъ древне-восточной стѣны, и которая создала самобытную великую культуру Израиля ¹⁾.

Христіанство, въ глазахъ еврея, явилось отвѣтомъ на его чаяніе: „и пойдутъ многіе народы и скажутъ: придите, и взойдемъ на гору Господню, въ домъ Бога Иаковлева, и научитъ Онъ насъ Своими путямъ и будемъ ходить по стезямъ Его: ибо отъ Сиона выйдеть законъ, и слово Господне — изъ Иерусалима (Исаія, 2, 3)“. Оно имѣло началомъ своимъ печарущій имъ фактъ, что „спасеніе отъ Иудеевъ“ (Іо. 4, 22).—И тишь съ великой скорбью оно отступило отъ роднаго себѣ по плоти дома Израилева, которому безспорно принадлежатъ „усыновленіе и слава, и завѣты и законоположеніе, и богослуженіе и обѣтованія“ (Рим 9, 1—4).—Своею прямою, существенною связью съ чаяніями Израиля, связью, которую оно не обинуясь подтверждаетъ, *христіанство исторически (фактически) оправдало національное самоутвержденіе послѣдняго*. и, въ этомъ случаѣ, *оправдало не какъ неизбежное и потому терпимое явленіе, но какъ положительную культурно-историческую силу* ²⁾.

¹⁾ Уже въ псалмахъ національное сознаніе Израиля достигло галло-правственной высоты, что изображеніе перипетій жизни націи съ полнымъ правомъ можетъ быть взято символомъ перипетій, переживаемыхъ нравственнымъ сознаніемъ личности; нравственная копія личности свободно переходитъ у еврейскихъ поэтовъ въ копію націи.

²⁾ Однако существуетъ образъ мнѣній, согласно которому національное самоутвержденіе, явившись несомнѣнно положительною силою въ древнемъ Израилѣ (въ Ветх. Заветѣ), гдѣ не менѣе не является уже тако-

Не можетъ быть сомнѣнія, что національное самоутвержденіе, проснувшееся послѣ среднихъ вѣковъ у новыхъ народовъ, явилось также положительною силою. Новая исторія наглядно показала, что истинная культура, — наука, искусство и нравственное преусиѣяніе общества — укореняется и развивается вмѣстѣ съ освобожденіемъ *націй* изъ — подъ вѣдущаго гнета, вмѣстѣ съ подъемомъ въ нихъ свободнаго національнаго самоутвержденія ¹⁾. Европейскія національности тогда дѣйствительно *узнали* Христово ученіе, когда оно передано имъ было на ихъ собственныхъ языкахъ; и оно тогда истинно *упоренилось* въ душахъ этихъ національ-

вою въ собственно христіанскомъ мірѣ (въ Новомъ Завѣтѣ); иными словами, — на томъ основаніи, что христіанство оправдало національное самоутвержденіе, какъ положительную силу въ Ветхомъ Завѣтѣ, — нельзя заключать, что оно (самоутвержденіе) является таковою же силой и у современныхъ христіанскихъ народовъ. Тамъ, въ Ветх. Завѣтѣ, — говорятъ намъ, — у Провидѣнія была особая *црль*, во имя которой національное сознание Израиля и явилось положительной силой. Только *эта црль* оправдывала его, какъ такую силу. Теперь, когда домостроительство совершено, національное самоутвержденіе уже не можетъ явиться положительною силою.

Вмѣсто возраженія этой псевдо-богословской теоріи надо напомнить, что она приписываетъ Провидѣнію принципъ: „црль оправдываетъ средство“. Несомнѣнно, что то, что могло явиться нравственно-положительной силой въ древнемъ Израилѣ, можетъ снова явиться ею и во всякій другой моментъ міровой исторіи.

1) Въ дѣлѣ общечеловѣческаго преусиѣянія національная дифференціация общества является положительной силой — по меньшей мѣрѣ, — какъ осуществленіе принципа раздѣленія труда.

„Когда я припоминаю себѣ, — говорилъ Рудольфъ Вирховъ на съѣздѣ естествоиспытателей въ Ганноверѣ (его рѣчь — 20 сент.) въ 1865 г., — когда я припоминаю себѣ, какимъ образомъ возникло то, что мы теперь называемъ наукою о природѣ, то я нахожу, что оно возникло, главнымъ образомъ, съ той минуты, когда у отдѣльныхъ великихъ семействъ европейскихъ народовъ явились своеобразныя направленія, изслѣдованія и кружки самостоятельныхъ мужей, формулировавшихъ свое отношеніе къ возрѣвію на природу на основаніи особенностей существа самихъ народовъ. Въ той мѣрѣ, какъ формы учености становились національныя, а ученое знаніе болѣе растворялось во всеобщемъ знаніи націи, — то знаніе становилось не только болѣе практичнымъ и плодотворнымъ для благосостоянія народа, для богатства государствъ, но и приобретало все большее вліяніе и на всеобщее мышленіе, а это мышленіе, въ свою очередь, тѣмъ плодотворнѣе дѣйствовало на изслѣдованіе ученыхъ, чѣмъ

послѣдней, когда каждая изъ нихъ выставила *національнѣе* и *движеніе* христіанства

5

Всякое *практическое* отрицаніе національнаго самоутвержденія реальнымъ основаніемъ своимъ имѣетъ фактъ, что *съ этимъ явленіемъ жизни народовъ сопряжено много зла* 1). Самъ по себѣ этотъ фактъ, конечно, не говоритъ еще ничего особеннаго. Всякій знаетъ, что не существуетъ такого явленія въ мірѣ, гдѣ человекъ *не могъ бы* проявить свою злую волю, и *не проявилъ бы* ея. Но когда христіанскаго политика увѣряютъ, что съ такимъ-то явленіемъ международной жизни сопряжено много зла, у него естественно является попытка — рѣшить затрудненіе простѣйшимъ способомъ: нельзя ли вовсе „вырвать соблазняющее око“, — нельзя ли совсѣмъ уклониться отъ соприкосновенія съ этимъ явленіемъ (аскетическое рѣшеніе вопроса,—см. § 3). Если же явленіе таково (какъ въ данномъ случаѣ), что поневолѣ приходится съ нимъ считаться (см. конецъ § 3), то обязанность христіанина—политика будетъ состоять въ освобожденіи этого явленія отъ зла. Надо рѣшить вопросъ относительно національнаго самоутвержденія именно въ этомъ смыслѣ, тѣмъ болѣе, что само по себѣ оно представляетъ очень важную положительную культурно-историческую силу (см. § 4).

Существуетъ еще общее *теоретическое* затрудненіе въ сглашеніи *понятія* національнаго самоутвержденія съ *понятіемъ* чистой нравственной дѣятельности. Несомнѣнно, лучшей и простѣйшей теоретической формулой всякой нравственной дѣятельности является начало Канта: „*поступай*

1) Это зло въ самой общей формѣ можно назвать „*націонализмомъ*“ (національнымъ эгоизмомъ)—Что націонализмъ является болѣзнью націй—это очевидно. Онъ влечетъ за собою *націонализацию идеаловъ, націонализацию этики*. „я имѣю нравственныя обязанности по отношенію къ моей націи, но у меня ихъ нѣтъ по отношенію ко всякой другой“ Въ глазахъ „національной христіанской этики“ (sic), какъ тому имѣются многіе примѣры, можетъ показаться позволительнымъ совершенно непозволительное съ общей этико-религіозной точки зрѣнія. Такимъ образомъ, дѣло христіанства, самая сущность христіанской политики падаетъ, и мы имѣемъ предъ собой старое международное беззаконіе „царствъ звѣриныхъ“.—оправдываемое для каждаго народа своимъ національнымъ культомъ

такъ, чтобы каждое побужденіе твоей воли могло быть всегда принципомъ всеобщаго законодательства“. Но не подлежатъ сомнѣнію и то, что послѣднюю цѣлью, идеаломъ христіанской политики является вѣстакі *всеобщее единство* людей. Къ этому долженъ стремиться, и это долженъ имѣть *всегда* въ виду всякій истинный христіанинъ.

Итакъ, всякая, даже самая „честная“, политика на началахъ національнаго самоутвержденія, повидимому, неизбежно отступаетъ отъ этого правила и, такимъ образомъ, не удовлетворяетъ основной формулы нравственной дѣятельности.—Во имя національнаго самоутвержденія часто *логически необходимы*, напр. война, или какія-нибудь „реторсін“ и „репрессалии“: неизбежна экономическая борьба; наконецъ вообще необходимъ *авторитетъ силы*,—этотъ синонимъ несправедливости. И всё эти и подобныя дѣйствія, оправдываемыя съ точки зрѣнія національнаго самоутвержденія своею необходимостью, съ нравственной точки зрѣнія безъ сомнѣнія не могутъ быть сами по себѣ выставлены образцами для всеобщаго подражанія.

Итакъ, понятіе національнаго самоутвержденія не согласуется съ понятіемъ истинно нравственной дѣятельности.)

Мы приведемъ здѣсь замѣчательное по конкретности и своеобразному изяществу своей формулировки разрѣшеніе этого теоретическаго затрудненія, данное Кантомъ въ его понятіи „разрѣшающаго закона“, Erlaubnisgesetz, lex permissiva.

Обыкновенно подъ „разрѣщеніемъ“ въ правовой сферѣ понимаютъ *отступленіе* отъ предполагаемаго имъ положительнаго „запрещающаго“ закона;—т. е. полагаютъ, что положительный законъ существуетъ самъ по себѣ, а разрѣшеніе (Erlaubnis) становится около него, какъ его исключеніе. Разрѣшеніе въ этомъ смыслѣ есть настоящее „отступленіе отъ принципа“ и поэтому привносится къ закону, конечно уже не въ силу принципа, но случайно, оцупью, смотря по обстоятельствамъ. Но въ такомъ случаѣ lex permissiva быть-

1) Тутъ „два интереса, противоположные для отвлеченной мысли“ (В. Соловьевъ) „Состояніе обособленія многихъ сосѣднихъ, независимыхъ между собою государствъ. — само по себѣ есть уже состояніе войны“ (Кантъ)

бы уже не lex, но прямымъ противорѣчіемъ, какъ понятію права, такъ и понятію принципа вообще. Это было-бы узаконеніемъ беззаконія.

На самомъ дѣлѣ lex permissiva, какъ lex, есть не пѣчто постороннее относительно положительнаго („запрещающаго“) закона, но самъ положительный законъ—въ конкретномъ примѣненіи къ вѣншимъ условіямъ. Законъ вообще есть не неподвижное опредѣленіе, но формула (подобная математической), примѣненіе которой къ даннымъ вѣншимъ обстоятельствамъ опредѣляется чрезъ внесеніе въ нее этихъ обстоятельствъ, какъ условій. Такимъ образомъ, lex permissiva, какъ одна изъ формъ конкретнаго примѣненія закона, вытекаетъ непосредственно изъ формулы положительнаго („запрещающаго“) закона, чрезъ внесеніе въ нее опредѣленныхъ конкретныхъ условій, и, въ этомъ смыслѣ, онъ есть не отступленіе отъ принципа, но его осуществленіе въ данныхъ условіяхъ. Безъ такого пониманія положительнаго закона,—добавляетъ Кантъ,—такъ называемый jus certum всегда останется не болѣе, какъ благочестивымъ пожеланіемъ ¹⁾. Такъ, на примѣръ, война есть несомнѣнное зло, и въ прямыхъ видахъ всякаго христіанина—ся ищезновеніе изъ міра (это принципъ); но, если военныя дѣйствія становятся необходимыми для общаго блага, напр. для урегулированія незаконныхъ дѣйствій какаго-нибудь народа (война исацевъ и франковъ съ маврамі, война Донскаго съ Мамаемъ и т. п.), то въ этихъ условіяхъ, какъ оправдываемая ими, она допустима по lex permissiva.

Надо замѣтить вообще, что всякое примѣненіе положительнаго закона къ конкретнымъ условіямъ оправдывается съ нравственно-христіанской точки зрѣнія—лишь по lex permissiva. Судящій и карающій законъ является справедливымъ лишь во имя будущаго, которое онъ имѣетъ въ виду. Помимо этого будущаго всякое осужденіе и наказаніе злодѣянія не имѣетъ оправданія, и есть бессмысленное и безнравственное прибавленіе новаго зла къ старому ²⁾. Когда же осужденіе и наказаніе осмысливаются будущимъ, которое они имѣютъ въ виду, слѣдовательно во имя нравственнаго

¹⁾ Kant, „Zum ewigen Frieden“, ein philosoph. Entwurf von Immanuel Kant: I Abschnitt, Anmerkung. По изд. Reclam's Ss 19, 11

²⁾ Vgl. Schopenhauer, Sämmtl. Werke, Bd I, S 452 (Reclam's Ausgabe)

закона,—они являются конкретнымъ, фактическимъ осуществленіемъ справедливости.

Но точно также война, экономическая борьба, пользование авторитетомъ силы и т. п., а слѣдовательно и понятіе національнаго самоутвержденія вообще,—не противорѣчатъ *будущему*, т. е. общему нравственно-христіанскому принципу,— *насколько имѣютъ его въ виду, и насколько обстоятельства оправдываютъ ихъ необходимость* (во имя *lex permissiva*).

Здѣсь *теоретическое*, принципиальное оправданіе національнаго самоутвержденія со всѣми связанными съ нимъ вещами даетъ новую силу принципу *практической дѣятельности*. Истинный принципъ практической дѣятельности состоитъ въ слѣдующемъ: *не ломать то, чего не умѣешь замѣнить лучшимъ. не забывая, разумѣется, что замѣна худшаго лучшимъ есть то, къ чему естественно стремиться*. Христіанская церковь отнюдь не требуетъ *обезнароживанія*, какъ не требуетъ *обезличенія*. Но, какъ она побуждаетъ отдѣльнаго человѣка—нравственно обновить свою личную жизнь, такъ она ставитъ въ обязанность и *націй*—обновить свою *національную* жизнь.

Были времена, когда люди, избивая и грабя другъ друга, не видѣли въ этомъ ничего неподобающаго.— Потомъ, при пробужденіи правоваго сознанія, явилось первое судебное учрежденіе,— такъ называемый „судъ Божій“: кто побѣдитъ,—тотъ и правъ. Но нравственное сознаніе общества, наконецъ, осудило этотъ странный приѣмъ: теперь мы имѣемъ, вмѣсто такъ называемаго „суда Божія“, честный, истинно человѣческій судъ присяжныхъ.—Вмѣстѣ съ подъемомъ нравственнаго сознанія въ каждой отдѣльной личности, общественный строй становится все болѣе и болѣе согласнымъ съ понятіями нравственности.

Были времена, когда сильнѣйшая нація считала своимъ неотъемлемымъ правомъ—покорить слабѣйшую. Теперь, когда сильнѣйшая давитъ слабѣйшую,—она сознаетъ, по крайней мѣрѣ, что это несправедливо. Понятіе права въ международныхъ отношеніяхъ мало по малу укореняется. Къ сожалѣнію до сихъ поръ главнымъ судебнымъ учрежденіемъ между народами является „Божій судъ“,—наша *война* ¹⁾. Мы ви-

¹⁾ Съ принципомъ: *unusquisque tantum juris habet, quantum potentia valet*

димъ, что нравственное сознание общества начинаетъ понимать негодность этого судебного приѣма: но когда-то еще это пониманіе перейдетъ въ отрѣшеніе разъ на всегда отъ *насилія* въ международныхъ отношеніяхъ?!.... До тѣхъ поръ—дѣло каждой націи и cadaго государства—подъемъ своего нравственнаго сознанія, очищеніе его во имя христіанскихъ идеаловъ,—однимъ словомъ—разсѣченіе политическихъ хитросплетеній, съ которыми сталкиваются насъ обстоятельства,—при помощи нелицепріятнаго принципа христіанской этики.

Надо помнить, что восхваленіе своего народа, стремленіе къ благу своего народа *во имя объективныхъ принциповъ* уже содержитъ въ себѣ зерно объективной, международной нравственности, международного братства; національный подъемъ во имя *всеобщихъ* идеаловъ есть общее дѣло ¹⁾. Тутъ залогъ вмѣстѣ національнаго преуспѣянія и будущаго единства народовъ.

Но горе той націи, которая будетъ восхвалять свое и стремиться къ благу своего—„во что бы то ни стало“. Къ ней относятся слова Христа: „Се оставляется вамъ домъ вашъ пусть“ (Лук. 13, 35).

Кн. А. Ухтомскій.

¹⁾ Таково было національное дѣло Израиля, и въ этомъ—начало его плодотворности: у него не было идеаловъ, скрытыхъ отъ другихъ народовъ, или недоступныхъ для нихъ „Для чего язычникамъ говорить: гдѣ Богъ ихъ? Богъ нашъ—на небесахъ и на земѣ“ (Пс 113, 10 11)